

И. А. СЕМУХИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ORCID ID: 0000-0003-1298-5268

УДК 821.161.1-4
DOI 10.26170/ufv19-05-06
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-446

ПОЭТИКА ВРЕМЕНИ В АЛЬМАНАХЕ «ФИЗИОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА»

Аннотация. Автором статьи исследуется альманах «Физиология Петербурга» в аспекте проблемы антропологии времени. Особенности поэтики времени в альманахе объясняются, во-первых, художественными принципами реалистического направления 40-х годов XIX века и жанровой моделью физиологического очерка «натуральной школы», для которой свойственны такие черты времени, как медленность, повторяемость событий, каждодневность, статичность и т.п. Вторым важнейшим фактором формирования образа времени в альманахе признается семиотика воссозданного в нем образа города, формирующаяся метатекстовая структура Петербургского текста русской литературы. Рассматриваются такие сквозные мотивы и образы, воссоздающие временной план произведения, как «вечная осень», Петербург-Некрополь, безвременье, ожидание катастрофы, Ноев ковчег и т.п. Делается вывод о синтезе художественных тенденций, который позволил соединить бытовой и бытийный планы образа времени в альманахе.

Ключевые слова: русская литература; «натуральная школа»; «Физиология Петербурга»; Петербургский текст; поэтика; время.

Альманах «Физиология Петербурга» (1844–1845 гг.), как художественный манифест «натуральной школы» в русской литературе, неоднократно оказывался в поле зрения литературоведов. В силу известной исследовательской парадигмы советской эпохи анализ данного произведения долгое время не выходил за рамки решения вопросов своеобразия реализма 1840-х годов, проблемы соотношения характера и среды [См., напр.: Цейтлин 1965; Кулешов 1982; Недзвецкий 1984; Манн 1989; Проскурина 2004]. Только в последнее десятилетие стали появляться немногочисленные работы, посвященные отдельным аспектам поэтики альманаха, где наметился вектор осмысления воссозданного в нем образа города [См.: Косицын 2008; Красушкина 2008].

В рамках данной статьи предлагается рассмотрение альманаха в аспекте проблемы антропологии времени, что, на наш взгляд, позволит углубить современное представление о художественной специфике произведения.

Особенности поэтики времени «Физиологии Петербурга» обусловлены рядом факторов. Во-первых, художественное время, как известно, «тесно связано с жанром произведения, с художественным методом, с литературными представлениями, с литературными направлениями» [Лихачев 1997: 127]. Для физиологического очерка 40-х годов XIX века было свойственно стремление «остановить» изображаемое время, создать «дагерротип» действительности [Там же: 13]. Эстетическим задачам очеркистов-физиологов соответствовали такие характерные черты времени, как медленность, многократная повторяемость событий, каждодневность, статичность и т.п.

В очерке Д. В. Григоровича «Петербургские шарманщики» повторяемость событий подчеркивает трагическую предопределенность судьбы уличных музыкантов, к какому бы «разряду» они ни относились – итальянские, русские или немецкие шарманщики, либо уличные гаеры. В любой ипостаси бедняки осуждены ежедневно «до глубокой старости <...> наигрывать *одну и ту же* арию на кларнете или выплясывать *трепака*», или разыгрывать «вечно *один и тот же* галоп» [Физиология Петербурга 1984: 88]. Даже заработав какие-то средства, шарманщик «рано ли, поздно ли» разорвется «в пух», и «снова» вынужден «бродить по улицам с шарманкою, собирать по грошу», ввергаясь «снова в нищенское существование» [Там же: 93]. Судьба детей петербургских шарманщиков предопределена, практически, еще до их рождения – они «поневоле должны идти *по стопам* отца», «от колыбели до гроба обречены они невероятным трудам» и «обыкновенно кончают жизнь или на этом поприще, или от неудачного *salto mortale*» [Там же: 99].

Повторяющийся дневной и годовой круговорот событий, установившийся ритм ежедневной жизни воплощены в художественном мире очерка и посредством образа настоящего времени [Лихачев 1997: 93]. Повествователь вводит читателя непосредственно в момент описываемых явлений и событий зачастую при помощи соответствующей грамматической глагольной формы.

Например, в очерке «Петербургский дворник» В. Луганский (В. И. Даль) представляет читателю одну из привычных картин петербургского двора в то самое время, когда один дворник «метет плитняк», другой «лакирует чугунные надолбы», чиновники «идут средней побегой между иноходи и рыси» и «поочередно подпрыгивают через метлу; один <...> останавливается и бранится». В это же время извозчик «проезжает шагом, дремля бочком на дрожках», «гайка сваливается с колеса». Дворник «глядит», «выходит», «подымает гайку и кладет ее в карман». После потери колеса извозчик «соскакивает», «оглядывается» и «бежит назад». В результате завязывается спор, ко-

торый «становится» жарче: извозчик «просит», «божится»; «неприятеля наступают»; второй дворник «пользуется приятным зрелищем и, улыбаясь, отдыхает от трудов»; «начинает собираться» народ [Физиология Петербурга 1984: 73–74] и т.д.

Безусловно, очеркист употребляет грамматические глагольные формы не только настоящего, но и прошлого, и будущего времени, может обращаться и к неопределенной форме, но так или иначе все они подчинены художественному времени настоящего. Поэтому в «Петербургском дворнике» восприятию эпизода спора дворника с извозчиком «здесь» и «сейчас» нисколько не мешает использование форм прошлого времени: «народ захохотал», «строптивый» Гришка «достал гайку из кармана» и «отдал» извозчику, «зрители разошлись», «извозчик надел колесо, навернул гайку и во все это время бранился», Гришка «принялся опять за метлу» [Там же: 74–75] и т.п.

В формировании художественного времени участвуют не только (и не столько) те или иные грамматические формы, но все элементы повествования. В частности, ощущение течения времени во многом зависит от степени событийности: «Большое количество событий, совершившихся за короткое время, создает впечатление быстрого бега времени. Напротив, малое количество создает впечатление замедленности» [Лихачев 1997: 12].

В очерке «Петербург и Москва» В. Г. Белинский неоднократно обращает внимание читателя на такие отличительные черты столицы, как динамичность, насыщенность, активность жизни горожан: «Широкие улицы Петербурга почти всегда оживлены народом, который куда-то спешит, куда-то торопится» [Физиология Петербурга 1984: 55]; «Едва проснувшись, петербуржец хочет тотчас же знать что дается сегодня на театрах, нет ли концерта, скачки, гулянья с музыкой...» [Там же: 56]; он «успеваеt везде и, как работает, так и наслаждается торопливо, часто поглядывая на часы» [Там же: 68] и т.п. Но, несмотря на это, жанр очерка, со свойственной ему описательностью и малособытийностью, настойчиво создает ощущение медленного течения времени.

Особенности поэтики времени в «Физиологии Петербурга» объясняются не только жанровой природой произведения и художественными принципами реалистического направления соответствующего периода. Немаловажным фактором, определившим характер образа времени в альманахе, стала семиотика воссозданного в нем образа города.

Фундамент, заложенный в 20-е годы прошлого века культурологом Н. П. Анциферовым в осмыслении образа Петербурга, и последующее обоснование в 1980-х годах Ю. М. Лотманом и В. Н. Топоровым понятия «Петербургский текст» положили начало рассмотрению

северной столицы как «текста» и «механизма порождения текстов». Город, «созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею», породил «двойную возможность» его интерпретации: «как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка – с другой», в результате вокруг города сконцентрировались «креативный» и «эсхатологические мифы, предсказания гибели» [Лотман 2002: 209]. Соответственно, в русской литературе Петербург, с одной стороны, предстал как «умышленный», самый европейский, рационализированный из всех городов России, с другой – город с ярко выраженным иррациональным началом, заложенным в противоречии замысла Петра и формы его воплощения.

В. Н. Топоров, как известно, представил достаточно ясную матрицу Петербургского текста русской литературы, обозначив его основные составляющие и векторы развития. Ведущую роль в данном сверхтексте ученый закономерно отвел А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому, А. Белому, А. Блоку, А. Ахматовой и О. Мандельштаму. Несмотря на возросший научный интерес последних лет к осмыслению Петербургского текста, в рамках данного исследовательского поля пока очень скромное место занимает изучение вклада писателей 40-х годов XIX века. В то время как, по убеждению В. Н. Топорова, петербургская тема в ее «низком» варианте и «гуманистическом» ракурсе, а также «первые узрения инакости города, его мистического слоя», оформляются не только у раннего Достоевского, но и у авторов «натуральной школы» [Топоров 2003: 23–24]. И особая роль здесь принадлежит «Физиологии Петербурга».

В рамках данной статьи из всего ряда особенностей воплощенного облика города в альманахе обратим внимание на сквозные мотивы и образы, создающие временной план.

По словам Ю. М. Лотмана, «заложенная в идее обреченного города вечная борьба стихии и культуры реализуется в петербургском мифе как антитеза воды и камня». И поскольку петербургский камень – «не “мирозданью современный”, а положенный человеком», «камень на воде, на болоте, камень без опоры», – то в петербургской картине «вода и камень меняются местами: вода вечна, она была до камня и победит его, камень же наделен временностью и призрачностью», «вода его разрушает» [Лотман 2002: 210–211]. В результате, двойная перспектива осмысления Петербурга – «вечность и обреченность одновременно» [Там же], существование города в вечном настоящем формирует особое «время безвременья» [Быстров 2004: 48]. Поэтому в природной, климатической сфере изображения этого города не просто доминируют мотивы водной стихии, но все они нацелены на создание единого образа времени – вечной осени.

Шарманчики Д. В. Григоровича выступают «в осенний вечер» [Физиология Петербурга 1984: 99], не обращая внимания на накрапывавший дождь, который в конце их представления «полил как из ведра» [Там же: 104]. Герой «Петербургского фельетониста» И. И. Панаева восклицает: «О да <...> осень, грязная, бледная, холодная, сырая, без солнышка, с седым небом, с седыми днями, с темными ночами...». Осень Петербурга поглощает все остальные времена года: здесь особая зима – «становится день ото дня тише, мрачнее, печальнее, улицы покрываются грязью», весной – улицы «тонут в грязи» [Там же: 115]. Из ремарки к первой сцене «Омнибуса» А. Я. Кульчицкого читатель узнает, что и летом (даже в июле!) в этом городе по-прежнему «мокро и холодно» [Там же: 195].

Поэтому неслучайно уже в первом очерке альманаха «Петербург и Москва» В. Г. Белинский представляет северную столицу местом, «где нет ни весны, ни лета, ни зимы, но круглый год свирепствует гнилая и мокрая осень», «где болотистые испарения и разлитая в воздухе сырость проникают и в каменные дома и в кости человека» [Там же: 45]. Всепоглощающая осенняя сырость и холод Петербурга проникают не только «в кости человека», но и в его сознание, состояние духа. Автор «Петербургских шарманщиков» заключает: «Погода всегда имеет сильное влияние на расположение духа и вам как-то невольно становится грустно». Поэтому шарманщику «постепенно одна за другою приходят на ум давно забытые горести; одно печальное, неотрадное наполняет душу и невыразимая тоска овладевает существом вашим...» [Там же: 105].

«Нездоровый климат», пограничность города множат болезни, сумасшествие, смерти. Поэтому одной из устойчивых метафор петербургского текста стала метафора *Петербург-Некрополь*. В этом мире давно привычной, совсем не шокирующей прохожих, стала картина плывущего по воде трупа («Петербургский дворник»), привычными стали вывески – «*Делают троур и гробы и на прокат отпускают...*» [Там же: 132]. На Петербургской стороне особое место занимает здание деревянного гостиницевого двора – «почернелое, ветхое, снутри разобранное, но снаружи сохраняющее еще все наружные формы; очень грустное чувство наводит это здание <...> все в нем мертво, черно; окна и двери страшно темнеют, словно глазные ямы на мертвом черепе» [Там же: 116].

Петербургские бродяги спускаются по темным смрадным лестницам в свои подвалы, нижние этажи, «которые до половины находятся в земле», и оказываются, по словам Н. А. Некрасова, «ни на земле, ни под землею», а в «*потустороннем*» мире. В этот мир попадает и герой «Петербургских углов», который в поисках жилья «очутился у двери,

ведущей в подвал; поскользнулся и полетел»; в выделенной ему комнате был «свой особенный воздух», подобный которому можно встретить только в винных погребах и *могильных склепах*», а стены украшали «продолговатые кровавые <...> пятна, носившие на себе следы пальцев и оканчивавшиеся тощими *остовами погибших жертв*, да густые слои <...> паутины, которая тонкими нитями в разных направлениях пересекала комнату, попадая в рот и опутывая лицо» [Там же: 134–135].

Безвременье Петербурга определяется мифом конца, ожиданием катастрофы. В силу катастрофического сознания петербуржец и живет «торопливо, часто поглядывая на часы, как будто боясь, что у него не хватит времени» [Там же: 68]. А шарманщик «никогда *не заботится о следующем дне*, и если случается ему перехватить кое-какие деньжонки <...> он не замедлит пригласить товарищей в ближний кафе-ресторан» [Там же: 95], потому что следующего дня может уже не быть.

Катастрофа назревает в природе: осенним поздним вечером на отдаленных петербургских улицах «здания и серые тучи сливаются в одну массу», «холодный ветер дует с силою и <...> стонет жалобно», все погружается в «*безмолвие*» и «*тишину*» [Там же: 105]. Заметим, что ожидание катастрофы в петербургском тексте не обязательно воплощается в прямых сюжетах наводнения (подобно пушкинскому «Медному всаднику»). В очерках «Физиологии...» это постоянная угроза окончательно утопить все и вся в финских болотах, на которых зиждется город: бедняк-чиновник покупает «почти за бесценок» на Петербургской стороне не кусок земли, а «кусок болота», где доживает свой век [Там же: 109]. И понятно, почему «извозчик осенью и весной ни за какие деньги не поедет» по отдаленным улицам: причина не столько в том, что «чем далее от Большого проспекта», «тем тише, мрачнее, беднее» петербургские улочки, а в том, что многие из этих улочек «тонут в грязи» [Там же: 115].

Ожидание катастрофы воплощено даже в лужах «вечно» осеннего Петербурга, которые метонимически представляют либо болото, либо морскую стихию. В городе есть «переулки, постоянно покрытые лужами», в которых «плавают утки, растут и цветут *болотные* травы и разные *водоросли*» [Там же: 112]. Герою «Петербургских углов» дорогу к дому преграждает в воротах «лужа, которая, вливаясь на двор, принимала в себя лужи, стоявшие у каждого подъезда, а потом уже *с шумом и журчанием величественно впадала* в помойную яму». В следующем дворе «*целые моря открывались*» перед героем, «с ужасом взглянул» он «на свои сапоги и хотел воротиться; казалось, *не было здесь аршина земли*, на который можно было бы ступить, не рискуя увязнуть по уши». Герой решает двигаться, как ему кажется, по воз-

вышенностям, «но то была обманчивая и страшная высота, образовавшаяся от множества всякой дряни, выливаемой и выбрасываемой жильцами из окон; ступив туда, нога вязла по колено, и в то же время в нос кидался неприятный и резкий запах» [Там же: 133].

Предчувствие катастрофы нашло свое воплощение и в образе петербургских густонаселенных домов, которые уподобляются Ноеву ковчегу. В очерке Белинского дом, где герой нанимает одну из квартир, так и назван – «сущий Ноев ковчег, в котором можно найти по паре всяких животных» [Там же: 55]. Подвал, в котором поселяется персонаж «Петербургских углов», также предстает частью ковчега: тесное помещение переполнено не только людьми, но и разными «тварями» – собаками, мухами, пауками, «сверчок пел за печкой», «что-то ползало <...> по лицу», «что-то иголкой кололо в руку» [Там же: 137].

Таким образом, благодаря синтезу жанровой традиции физиологического очерка, с одной стороны, и формирующейся структуре Петербургского сверхтекста, с другой, авторы альманаха унаследовали и гоголевское бытописание, и пушкинско-гоголевскую метафизичность города, представив по-своему Петербург двойного бытия, где сосуществуют бытовое и бытийное время.

ЛИТЕРАТУРА

Анциферов Н. П. «Непостижимый город...»: душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / сост. М. Б. Вербловская. СПб. : Лениздат, 1991. 335 с.

Быстров Н. Л., Полякова И. Г. Петербург как утопия : философско-семиотический этюд // Известия Уральского гос. ун-та. 2004. № 29. С. 43–51.

Косицин А. А. Физиология Петербурга в сборнике-манифесте писателей «натуральной школы» // Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманитар. сер. 2008. № 1 (60). С. 118–122.

Красушкина А. В. Художественное единство «человек-вещь» в сборнике «Физиология Петербурга» : становление поэтики натуральной школы : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Череповец, 2008. 208 с.

Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М. : Просвещение, 1982. 239 с.

Лихачев Д. С. Поэтика художественного времени // Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. СПб. : Алетейя, 1997. С. 5–128.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб. : Искусство-СПБ, 2002. С. 208–221.

Лотман Ю. М. Символические пространства // Лотман Ю. М. Семносфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2000. С. 297–335.

Манн Ю. В. Натуральная школа // История всемирной литературы : в 9 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1989. Т. 6. С. 384–396.

Недзвецкий В. А. Манифест социальной беллетристики // Физиология Петербурга / подг. текста, вступ. ст. и примеч. В. А. Недзвецкого. М. : Сов. Россия, 1984. С. 5–28.

Проскурина Ю. М. Натуральная школа в свете эволюции и типологии классического реализма / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. 122 с.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избр. труды. СПб. : Искусство-СПБ, 2003. 616 с.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст : семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М. : Наука, 1983. С. 227–284.

Физиология Петербурга / подг. текста, вступ. ст. и примеч. В. А. Недзвецкого. М. : Сов. Россия, 1984. 304 с. *Курсив в цитатах альманаха наш. – И. С.*

Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе : русский физиологический очерк. М. : Наука, 1965. 319 с.

REFERENCES

Antsiferov N. P. «Nepostizhimyy gorod...»: dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Peterburg Pushkina / sost. M. B. Verblovskaya. Spb. : Lenizdat, 1991. 335 s.

Bystrov N. L., Polyakova I. G. Peterburg kak utopiya : filo-sofsko-semioticheskiy etyud // Izvestiya Ural'skogo gos. un-ta. 2004. № 29. S. 43–51.

Kositsin A. A. Fiziologiya Peterburga v sbornike-manifeste pi-sateley «natural'noy shkoly» // Vestn. Samar. gos. un-ta. Gumanitar. ser. 2008. № 1 (60). S. 118–122.

Krasushkina A. V. Khudozhestvennoe edinstvo «chelovek-veshch'» v sbornike «Fiziologiya Peterburga» : stanovlenie poetiki natural'noy shkoly : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. Cherepovets, 2008. 208 s.

Kuleshov V. I. Natural'naya shkola v russkoy literature XIX veka. M. : Prosveshchenie, 1982. 239 s.

Likhachev D. S. Poetika khudozhestvennogo vremeni // Likhachev D. S. Istoricheskaya poetika russkoy literatury. SPb. : Aleteyya, 1997. S. 5–128.

Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki go-roda // Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury. SPb. : Iskusstvo-SPB, 2002. S. 208–221.

Lotman Yu. M. Simvolicheskie prostranstva // Lotman Yu. M. Semnosfera. SPb. : Iskusstvo-SPB, 2000. S. 297–335.

Mann Yu. V. Natural'naya shkola // Istoriya vsemirnoy literatu-ry : v 9 t. / AN SSSR ; In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. M. : Nauka, 1989. T. 6. S. 384–396.

Nedzvetskiy V. A. Manifest sotsial'noy belletristiki // Fizio-logiya Peterburga / podg. teksta, vstup. st. i primech. V. A. Nedzvetskogo. M. : Sov. Rossiya, 1984. S. 5–28.

Proskurina Yu. M. Natural'naya shkola v svete evolyutsii i tipologii klassicheskogo realizma / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2004. 122 s.

Toporov V. N. Peterburgskiy tekst russkoy literatury : izbr. trudy. SPb. : Iskusstvo-SPB, 2003. 616 s.

Toporov V. N. Prostranstvo i tekst // Tekst : semantika i struk-tura / otv. red. T.V. Tsiv'yan. M. : Nauka, 1983. S. 227–284.

Fiziologiya Peterburga / podg. teksta, vstup. st. i primech. V. A. Nedzvetskogo. M. : Sov. Rossiya, 1984. 304 s. Kursiv v tsitatakh al'manakha nash. – I. S.

Tseytlin A. G. Stanovlenie realizma v russkoy literature : rus-skiy fiziologicheskij ocherk. M. : Nauka, 1965. 319 s.